

особыхъ уполно-
д енархіальному
енія. 7)
четы на имя со-
ные имѣютъ пе-
го Палестинскаго
тербургъ (Возн.

ся съ 1 марта по
представлять свой
мѣсячно предста-
суммъ и остатки
наго Банка.

ѣлы и уполномо-
ю книгою, квитан-
ми и кружками, а
тъ отдѣлы и упол-
нить за дѣятель-
ь возложенъ приемъ
втелеймоповской, Ан-

Еще рекомендуется
львыя лавки и кни-
у складомъ общества
отъ соглашенія от-
жно имѣть въ виду,
ныхъ заведеній отпу-
до 40%.

недостающихъ еже-
ублей, Совѣтъ лишаетъ
е о сборщикахъ дол-
е. объ ихъ благона-

ностию и настоящимъ положеніемъ отдѣла Император-
скаго Православнаго Палестинскаго Общества. 8)

Лице, желающее поступить въ члены общества,
должно на бланкѣ заявленія обозначить подчеркива-
ніемъ или постановкою креста, къ какому именно отдѣле-
нію общества: 1, 2 или 3 желаетъ быть причислено, ка-
кимъ именно членомъ желаетъ состоять: действитель-
нымъ или сотрудникомъ и съ какимъ взносомъ; едино-
временнымъ или ежегоднымъ.

Такое заявленіе должно быть подписано съ пол-
нымъ обозначеніемъ: званія, имени, отчества, фамилии
и почтоваго адреса. Заявленіе это можетъ быть до-
ставлено въ отдѣлъ, который пересылаетъ оное въ
совѣтъ вмѣстѣ съ деньгами, по полученіи коихъ и при-
няти въ члены, канцелярія общества увѣдомляетъ и
потомъ высылаются дипломы на званіе членовъ, а вне-
сшимъ 500 р. или 200 одновременно Высочайше ут-
вержденные знаки для пожизненныхъ членовъ дѣйст-
вительныхъ и сотрудниковъ.

Е. Н.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ

Беседа, читанная Пресвященнымъ Никаноромъ, Епи-
скопомъ Орловскимъ, въ залѣ дворянскаго собранія
въ г. Орлѣ, 1899 г. Марта 21.
(Окончаніе. См. № 13 и 14 Орловск. Епарх. Вѣд.).

III

Назначеніе чловѣка и достиженіе этого назначе-
нія тоже требуютъ признанія безсмертія души.

8) Доселѣ вышлъ семь отчетовъ Общества и 9 томовъ
сообщеній, съ приложениями, изъ коихъ послѣднее и дало намъ
тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены здѣсь. Тамъ же можно очер-
пнуть и болѣе подробныя свѣдѣнія относительно условій палом-
ничества по билетамъ общества, какъ въ Иерусалимъ, такъ и на
Афонъ и въ Варъ-Градъ. Цѣна этой книги 1 рубль.

Ничто во вселенной не существует случайно. Все силы и законы природы направлены къ цели, которой они и должны достигать. И чѣмъ выше существа, тѣмъ съ большею ясностію и отчетливостію выступаютъ эта истина. Даже въ совокупности предметовъ неорганическихъ видны приспособленія къ достиженію одной главной цели.

Еще яснѣе обнаруживается целесообразность въ строеніи существъ органическихъ. Душа по своей природѣ существенно возвышается надъ всеми предметами физической природы, поэтому въ душѣ все данное ея свойства и способности должны достигать цели, чтобы духовная жизнь имѣла полноту смысла и разумности.

И однако цели бытія челоуѣка часто не достигаютъ на землѣ, хотя ясно предносятся, какъ идеалы. Отсюда вытекаетъ необходимость признать жизнь будущую, когда осуществляются эти идеалы.

Высшимъ свойствомъ челоуѣка обыкновенно считаютъ способность познанія, разумъ. При этомъ достойно замѣчанія, что знанія пригодныя для настоящей жизни цѣнятся очень невысоко, а тѣ, которыя выше ея, кажутся особенно цѣнными.

Очевидно, что цель стремленія разума неограничивается предѣлами этой жизни, а настойчиво простирается за тѣмъ, что будетъ дальше и что обнимаетъ жизнь всесторонне. Вотъ почему, не смотря на то, что съ теченіемъ вѣковъ и тысячелѣтій добыто много знаній, пытливые умы все идутъ впередъ, съ увѣренностію, что они узнаютъ всесторонне весь міръ, который, говорятъ, безконеченъ. И ничто не можетъ положить предѣла челоуѣческой любознательности, такъ какъ это необходимая потребность нашей духовной природы.

Кромѣ естественныхъ способностей и средствъ къ познанию, человѣкъ изобрѣлъ безконечное множество искусственныхъ пособій, какъ напр., телескопъ, телефонъ, телеграфъ, но все эти и подобныя конечныя пособія не приводятъ людей къ концу всехъ познаний, ибо, какъ телескопъ самый совершенный не открываетъ всехъ небесныхъ великихъ тѣлъ, такъ и микроскопъ не даетъ понятія о всехъ самоалѣйшихъ существахъ и предметахъ. Подобно сему и самыя высокіе умы, и самыя глубокіе мыслители еще не выяснили всей совокупности бытія, въ его абсолютномъ величій и безконечности. Очевидно должно когда-либо открыться такое состояніе души, когда бы она все поняла, что она теперь желаетъ познать, но не можетъ по связи съ природою тѣла, одареннаго для познания только 5 или 6 внѣшними чувствами и краткимъ временемъ, а предметовъ познания такое безчисленное множество!

Нравственныя стремленія тоже не находятъ здѣсь на землѣ своего полнаго удовлетворенія.

Нѣкоторые добродѣтели, усиливающія возможность сожителства людей, требуются земною жизнью, но въ большей части нравственными требованіями эта земная жизнь стѣняется ради благъ будущей.

Вотъ почему извѣстный философъ Кантъ на ученіи о нравственности построилъ свое ученіе о безсмертіи души, какъ на самомъ прочномъ основаніи. Онъ говоритъ: „объектъ практическаго разума есть величайшее благо“, которое есть святость и блаженство.

Такимъ образомъ, чтобы быть нравственно совершеннымъ необходимо, чтобы человѣкъ безконечное время усовершенствовался, а для этого требуется безсмертіе и приближеніе къ Мздовоздателяю, Который одинъ мо-

жетъ, произвести правильное соглашеніе мѣры блаженства, съ мѣрою нравственности, въ чемъ и совершится полное осуществленіе нравственныхъ стремленій. Неудовлетворительность нравственныхъ стремленій есть явленіе всеобщее. Причина сего прежде всего въ абсолютномъ, характерѣ этихъ стремленій. Только не высоко нравственный человѣкъ можетъ думать о своемъ совершенствѣ. Но чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, чѣмъ тоньше и чувствительнѣе въ немъ нравственное самосознаніе, тѣмъ больше и настойчивѣе предносится предъ нимъ недостижимый идеалъ совершенства, и потому какъ умнѣйшій философъ говорилъ, что кто онъ знаетъ то, что ничего не знаетъ, такъ и святой человѣкъ будетъ говорить, что онъ самый недостойный и грѣшный человѣкъ. Сознаніе неосуществимости нравственнаго идеала становится тѣмъ явнѣе и живѣе, чѣмъ выше и нравственнѣе достоинство человѣка.

Особенное препятствіе усовершенствованія нравственной природы находится въ чувственной природѣ нашей, часто и сильно противоборствующей добру, о почему многіе считали и считаютъ эту чувственность радикальнымъ зломъ; другіе называли оковами, темницей; алучшіе люди вообще стремились такъ или иначе, постепенно освободиться изъ этихъ узъ плоти, существенно принадлежащей человѣческой природѣ и потому насильственно не отдѣлимой отъ души, стремящейся быть свободною отъ всего не свойственнаго ей, какъ духу.

Неотвратимое сознаніе того, что добродѣтель должна быть награждена, а порокъ наказанъ — также ведетъ къ признанію безсмертія. Осуществляющаяся здѣсь идея правды неизмѣнно царствуетъ въ людяхъ. Особенно ясно выражается сознаніе ее, когда мы видимъ невинное страданіе несчастнаго и торжество, довольство

явнаго злодѣя. А такъ какъ это бываетъ нерѣдко, то мы можемъ успокоиваться только на томъ, что въ будущей жизни будетъ мздовоздаяніе, а для сего необходимо безсмертіе.

На идеѣ правды зиждутся всѣ соотношенія общественныя, которыя не имѣли бы никакой крѣпости, если бы за земнымъ воздаяніемъ, очень часто не соответственнымъ, не ожидалось другого, посмертнаго воздаянія. И въ особенности не имѣла бы устойчивости личная нравственность, какъ ничѣмъ существеннымъ не гарантированная, потому что въ міръ субъективной жизни не можетъ проникнуть никакой судебный слѣдователь. Кромѣ того, человѣческое правосудіе имѣетъ только одну руку, одно только наказаніе, ибо для награды за добродѣтель не достанетъ драгоценностей, такъ много предъявили бы на нихъ требованіе, хотя быть можетъ и не правое. Истинная же добродѣтель останется скромною, незамѣченною, ждущею и даже неуверенно на небесахъ награду свою, только по щедрости и милости Мздовоздаятеля, а не по достоинству и заслугамъ, хотя бы сравнительно съ другими и громаднымъ. Но во всякомъ случаѣ, законъ правды долженъ когда-либо восторжествовать и осуществиться въ полнотѣ, иначе вся нравственность не будетъ имѣть смысла. Такимъ образомъ, во имя нравственности, безсмертіе должно быть и тамъ должно быть всеобщее воздаяніе, какъ за добро, такъ и за зло. Только при этой надеждѣ возможна борьба со зломъ и неправдою. И совѣтъ наша неумолкаемо твердить намъ, что стоитъ бороться для правды и мучиться для достиженія добра. Было и есть убѣжденіе въ иныхъ, что добродѣтель сама въ себя имѣетъ награду, а пороки наказаніе. Да, отчасти это вѣрно. Но одного личнаго сознанія недостаточно, —

необходимо, чтобы доброе наше было признаваемо и другими. А что касается зла, то оно, во-первыхъ, не всегда считается и чувствуется людьми порочными, какъ такое, а во вторыхъ, другимъ людямъ тяжело жить среди порочныхъ, когда эти пороки касаются ихъ, стѣсняють ихъ. Такимъ образомъ и порочные люди, помимо собственного осужденія должны быть ограничиваемы и караемы другими, чего между тѣмъ нерѣдко не бываетъ.

И даже бываетъ такъ, что великіе злодѣи, какъ напр. Наполеонъ, находятъ себѣ множество соучастниковъ, или льстецовъ прославителей, потому что обвинители не терпятъ и даже убиваются. Вообще, мѣра земного счастья часто бываетъ несоизмѣрима со всеми степенями совершенства и несовершенства людей, поэтому необходима другая жизнь, чтобы осуществилась эта соразмѣрность.

Чувство недовольства жизнью, происходящее отъ стремленія къ счастью, тоже ведетъ къ мысли о будущей, лучшей жизни.

Вопросъ о счастьи такъ много занималъ прежнихъ философовъ, что новые отказались дать указаніе счастья, а Гартманъ и Шопенгауеръ учатъ даже, что жизнь есть одно сплошное несчастье, и потому они совѣтуютъ отказаться совершенно отъ жизни. Это, конечно, крайность, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что полного счастья на землѣ нѣтъ, ибо все чѣмъ-либо недоволенъ въ сей жизни, все чего-либо ждуть иного, лучшаго. Отчего же происходитъ это недовольство жизнью, какъ бы, повидимому, ни была хорошо обставлена она? Во многомъ человекъ виновенъ самъ, что онъ не имѣетъ желаннаго счастья, но главнымъ образомъ недовольство большинства людей происходитъ отъ того, что въ его душѣ заложены такія стремленія, которымъ онъ здѣсь

не можетъ найти истиннаго удовлетворенія, что въ немъ самомъ исключительно даетъ себя чувствовать идеальнаго счастья, какъ настоящая земная жизнь дать ему не въ силахъ. И чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ больше его недовольство жизнью.

Если ограничиться только благами сей жизни, то должно будетъ отвергнуть всякій смыслъ и разумность въ мірѣ. А главное, ничто земное не можетъ удовлетворить человѣка и заглушить въ немъ высшихъ стремленій духа, которымъ непременно должно быть удовлетвореніе, иначе будетъ непонятно: зачѣмъ даны человѣку большія силы, нежели животнымъ, довольствующимся своею инстинктивною жизнью и не лучше ли въ такомъ случаѣ возвратиться къ полудикаму состоянію, когда высшія потребности духа не столь болѣзненно чувствуются? Но это значило бы отказаться отъ всѣхъ плодовъ разумной жизни человѣчества во все время, проститься со многими выгодами цивилизованной жизни, все же значительно скрашивающей жизнь и уменьшающей ея бѣдствія. Очевидно, всѣмъ высшимъ стремленіямъ человѣка предстоить удовлетвореніе въ жизни будущей.

Въ идеи о безсмертіи души всѣ благороднѣйшія усилія, всѣ страданія въ поискахъ за истиннымъ счастіемъ и блаженствомъ находятъ свое главное разрѣшеніе. И блаженъ тотъ, кому вѣрится въ эту жизнь будущаго вѣка. Нѣкоторые мыслители находятъ, что удовлетвореніе стремленій отдѣльныхъ лицъ дается въ общемъ человѣческомъ родѣ, который самъ по себѣ вѣченъ и безсмертенъ. Но замѣнять личное безсмертіе общечеловѣческимъ бытіемъ невозможно, ибо хотя люди и находятся въ тѣсной связи и зависимости, но въ то же время они не сливаются на столько, чтобы счастье многихъ обязательно было чувствуемо и всякимъ вообще,

какъ чувствуется довольство всѣми органами — при насыщеніи желудка, потому что общественный организмъ основанъ на связи духовной, а не физической, такъ что бытіе личности, какъ особой субстанции, съ особыми стремленіями и желаніями, нельзя никакъ слить въ полное единеніе со всѣми во всѣхъ обстоятельствахъ. Личность каждаго человѣка имѣетъ свою самостоятельность. Общая же жизнь людей, какъ благоприятная среда, служитъ для каждой личности ступеню къ дальнѣйшему развитію, отчего происходитъ прогрессъ. Между тѣмъ какъ въ физической природѣ все происходитъ не прогрессируя; пчела все довольствуется своими малыми ячейками, а человѣкъ не довольствуется ни хижинами, ни домами деревянными, а хочетъ жить въ мраморныхъ дворцахъ и даже чертогахъ изъ алюминія и и стеклянныхъ палаццо, притомъ пользуясь не лучиною гарною, а свѣтомъ электричества, чтобы ему было извѣстно устно все, что происходитъ во всемъ мірѣ. И этого достигаютъ многіе, и однако не находятъ въ этомъ полноты счастья. Слѣдовательно, если и всё достигнуто такой культуры, то все же не будетъ полного удовлетворенія, какъ въ отдѣльности многихъ лицъ, такъ и всего человѣчества вообще.

Нѣкоторые находятъ, что вѣчность заключается въ научномъ прогрессѣ. Но мы уже видѣли, что для познанія нѣтъ границъ, а потому и наука не можетъ служить полнымъ удовлетвореніемъ духа, въ его стремленіи къ вѣчности и безсмертію.

По мнѣнію Шеллинга, тѣ противорѣчія въ жизни, которыя поражаютъ недовольство ея, могутъ быть удовлетворяемы искусствомъ. Дѣйствительно, въ творческомъ вдохновеніи, въ эстетическомъ созерцаніи, въ наслажденіи созданіями поэзіи и физичныхъ искусствъ

нами — при на-
ный организм
ической, такъ
ци, съ особыми
слить въ пол-
льствахъ. Лич-
остоятельность.
ная среда, слу-
ь дальнѣйшему
ь. Между тѣмъ
происходить не
своими мальми
ется ни хужи
ь жить въ мра-
изъ алюминія и
зуюсь не лучиною
му было извѣстно
мирѣ. И этого
одятъ въ этомъ
и все достигнуть
полнаго удовле-
ь лицъ, такъ и
что для каждо
сть заключается
идѣли, что для
наука не можетъ
ха, въ его стрем-
твореніи
корѣчія въ жизни,
ю, могутъ быть
ительно, въ твор-
и созерцаніи, въ
щныхъ искусствахъ

многія явленія жизни скрашиваются и представляются въ
лучшемъ видѣ, умиrotворяющемъ духъ нашъ, но только на
то время, когда происходитъ воздѣйствіе произведенія ис-
кусствъ. Но потомъ настаетъ проза жизни, а съ нею и недо-
вольство жизнию. Къ сему нужно присовокупить и то, что
къ пользованію произведеніями поэзіи, хотя бы и досто-
чтимаго А. С. Пушкина, нужно извѣстное развитіе, нуженъ
вкусъ, котораго переработать обязательно нельзя, потому
что все прекрасное, дѣло крайне не одинаковаго вкуса.
Даже самое удовольствіе вообще нельзя сдѣлать или
считать, какъ обязательное для человѣка дѣло. Не
до поэзіи съ разными искусствами тому, кто чув-
ствуетъ, что ему не достаесть удовлетворенія въ его
насущныхъ нуждахъ. Въ очень интеллигентныхъ сферахъ
былъ споръ, — что лучше: творенія Шекспира, или сапоги!
Но хотя безспорно, Шекспировскія творенія неизмѣримо
цѣннѣе многихъ реальностей, однако не сомнѣнно и
то, что никакое мысленное представленіе не можетъ
уничтожить реального неосуществленія его въ дѣйстви-
тельной жизни, болѣзненно отзывающагося въ каждомъ
человѣкѣ, не живущемъ въ мирѣ абстракцій и созданий
досужей фантазіи.

Въ лучшихъ произведеніяхъ искусствъ можно видѣть
только предчувствіе и предъизображеніе гармоническаго
сочетанія идеала и дѣйствительности, что еще больше
возбуждаетъ духъ въ его стремленіи къ безконечному,
безсмертному и вѣчному, и въ чемъ истинно-высокая
заслуга нашего незабвеннаго и гениальнаго поэта А. С.
Пушкина. Вотъ этимъ то онъ и „памятникъ воздвигъ
себѣ нерукотворный, къ которому не заростетъ народ-
ная тропа“. Въ этомъ стихотвореніи онъ сказалъ:

„Нѣтъ весь я не умру. Душа въ завѣтной лирѣ

Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ“.

Это было написано 21 авг. 1836 г. недолго до смерти.

Штраусъ видитъ осуществленіе цѣлей человѣческаго духа на землѣ въ безконечномъ, никогда не завершающемся процессѣ развитія человѣческаго рода. Но такой взглядъ, такое наслажденіе доступны только немногимъ философамъ. У большей же части людей живетъ неистребимое чувство несоответствія жизни міра требованіямъ истины добра и счастья, что показываетъ ясно: какъ не всеобща и, такъ сказать, не реальна теорія Штрауса, который впрочемъ и самъ доказываетъ ясно, что нашъ земной шаръ, со всѣмъ человѣческимъ родомъ, долженъ нѣкогда разсыпаться, разрушиться. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вся эта борьба за развитіе, это ученіе, безконечныя изслѣдованія, если все, все, погибнетъ хотя бы и не скоро!

Духовно творческая сила человѣчества заключается въ отдѣльныхъ личностяхъ, вносящихъ новыя мысли, чувства, изобрѣтенія, изъ чего и складывается исторія, дѣлающая ихъ имена бессмертными. Но что въ имени? Нужно, чтобы самая вѣчность была и оставалась вѣчною, живою—вотъ какое безсмертіе дорого и желательно намъ.

Мы помнимъ родныхъ и многіе помнятъ и знаютъ А. С. Пушкина, но сознавать, что они живы и что мы можемъ нѣкогда соединиться съ ними въ единствѣ бытія, какая это великая и безмѣрно превосходящая идея всѣ виды безсмертія, какія представляются въ продолженіи рода въ прогрессѣ и вѣчномъ бытіи человѣчества, до котораго многимъ нѣтъ никакого дѣла!

Въ низшей природѣ господствуетъ порода, а въ царствѣ духа—имѣетъ дѣйствительное бытіе личность. И если считаютъ возможнымъ приписывать вѣчность бытія породѣ, то нельзя отказать въ ней и каждой отдѣльной человѣческой личности.

Такъ какъ всякое достиженіе цѣли возбуждаетъ

новое стремленіе, доказательствомъ чего служить недовольство счастьемъ, коль скоро его достигли, то очевидно, что полное осуществленіе цѣли нашего бытія возможно не иначе, какъ въ формѣ не временнаго, а вѣчнаго бытія. И это сознаніе не есть одна теорія, ибо постоянная фактическая неудовлетворенность всѣхъ высшихъ стремленій на землѣ показываетъ, что никакая остановка на какомъ-либо благѣ и счастья или степени развитія не можетъ быть удовлетворительною цѣлю нашего бытія.

IV.

Безсмертіе души окончательное свое подтвержденіе находитъ въ Богѣ, какъ высочайшей цѣли стремленій человѣка. Богъ есть реальная истина, добро и блаженство, поэтому и безсмертіе только то дѣйствительно, т. е. вѣчная жизнь, которая можетъ быть отъ Бога и въ Богѣ. Такъ какъ цѣль нашихъ стремленій не можетъ быть достигнута въ ограниченное время, а только въ абсолютное, т. е. вѣчное, а вѣченъ только Богъ, то очевидно, что въ Богѣ находится естественное дополненіе идеи безсмертія души.

Понятіе о вѣчности или безконечности есть основной элементъ идеи безсмертія. Но въ виду того, что въ окружающемъ насъ мірѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, то мы вынуждены допустить, что и самое понятіе о безконечномъ произошло отъ Единаго Безконечнаго Существа Бога, по силѣ Котораго и должно осуществиться вѣчное бытіе нашей души, какъ отраженіе Единаго Безконечнаго. И не одною идеею безконечности Божество дастъ удостовѣреніе безсмертія нашей души, зависимой отъ Него. Еще больше это удостовѣреніе дается размышленіемъ о свойствахъ Божества и отношеній Его къ человѣку. По своему всемогуществу и премудрости Онъ

можетъ сохранить нашу душу безсмертною; по Своей милости Онъ желаетъ сего, а для совершенія правосудія Ему необходимо сдѣлать насъ безсмертными, что и будетъ по волѣ Его.

Богу было бы возможно сдѣлать нашу душу безсмертною, если бы она и не обладала подходящими свойствами, такъ какъ Онъ по всемогуществу своему могъ бы надѣлить ее этими свойствами. Но такъ какъ эти свойства уже прежде дарованы нашей душѣ, то возможность эта получаетъ большую легкость и съ человѣческой точки зрѣнія. Было ученіе, что безсмертіе дается за добрую жизнь по благодати. Но это ученіе невѣрное, такъ какъ имъ отвергаются вѣчныя мученія грѣшниковъ, чѣмъ разрушается ученіе о всеобщемъ мздовоздаяніи, для котораго необходимо должны имѣть вѣчную жизнь, хотя и не отрадную и грѣшники. Но Богъ желаетъ всѣмъ спастися и всѣмъ получить вѣчно-блаженную жизнь,—этого требуетъ Его отеческое любвеобиліе и безмѣрная благодать. Для сего—то Онъ и вдохнулъ въ насъ безконечныя и ничѣмъ незаслуженныя стремленія къ Нему, въ видѣ высшааго блага, истины, красоты и блаженства, чтобы всякій, такъ или иначе могъ придти къ Нему, какъ послѣдней цѣли своихъ высшихъ стремленій. Вотъ какъ выразилъ это высокое стремленіе нашъ безсмертный А. С. Пушкинъ въ 1830 году:

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной, чтобъ на меня съ холста какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ однимъ
Взирали кроткіе во славу и лучахъ.
Кротость и слава Божіи необходимо требуютъ нашей вѣчности. Какъ благой и премудрый Богъ создалъ

ю; по Своей
внѣ правосу-
тными, что и
душу без-
одящими свой-
своему могъ
къ какъ эти
шѣ, то возмож-
съ челове́че-
мертіе даётся
ченіе невѣрное,
днѣ грѣшниковъ,
мздовоздаяніи,
вѣчную жизнь,
Богъ- желаетъ
вчно-блаженную
бвеобиліе и без-
дохнулъ, въ насъ
стремленія къ
ы, красоты и
не могъ придти
высшихъ стрем-
стремленіе нашъ
оду:
ленныхъ трудовъ,
о зритель,
къ съ облаковъ,
паситель—
однимъ
мо требуютъ на-
ый Богъ создалъ

вещественный міръ, съ вѣчными законами ихъ бытія, царство органическое съ продолжительностію ихъ въ родахъ, а человека съ вѣчною жизнью.— И въ этомъ Его высшемъ созданіи образовалась съ особенною силою Его любовь, по сему Онъ, любя человека, нѣкоторымъ образомъ, питаетъ это чувство къ Себѣ Самому; поэтому, можно сказать, что безсмертія души требуетъ сама слава Божія, и у насъ есть ученіе, что человекъ существуетъ и долженъ жить для вѣчной славы Божіей, а для сего онъ долженъ быть безсмертнымъ, вѣчнымъ.

Люди, живущіе чувственною жизнью и мыслящіе матеріалистически, могутъ, конечно, не находить радости въ жизни будущей и могутъ даже опасаться за свою судьбу. Но въ безмѣрной любви Божіей могутъ находить мѣсто все грѣшники, если они пожелають приблизиться къ Нему, а для приближенія этого есть разныя степени возможности, причёмъ однако никто не можетъ слиться съ Божествомъ такъ, какъ полагали нѣкоторые философы, (напр. Спиноза), что онъ совершенно сольется съ Божествомъ и такимъ образомъ погрузится въ Него, или въ небытіе (Нирвана), какъ учатъ Буддисты.

Нѣтъ, вѣчное безсмертіе души требуетъ вѣчнаго отдѣльнаго бытія и въ разной степени приближенія къ Богу, и новаго болѣе благоприятнаго стремленія къ Нему, что и должно быть утѣшительною надеждою для всѣхъ грѣшниковъ.

Ради правосудія Богъ тоже долженъ сохранить наши души безсмертными, чтобы каждая получила возмездіе—праведная—блаженство, а порочная—страданія, что на землѣ не всегда совершается, не смотря на то, что и здѣсь многіе находятъ мученія въ томъ самомъ, чѣмъ они порочать себя. Богъ, какъ Законодатель, долженъ быть и Судіей всѣхъ праведныхъ, ибо Ему, единому

всевѣдущему въ точности извѣстно, насколько тотъ или другой человѣкъ, преступая Его законъ, грѣшилъ, или только заблуждался, или былъ жертвою насилія, или творилъ то, чего душевно не хотѣлъ, по немощи своей человѣческой природы или подъ вліяніемъ болѣе сильныхъ мотивовъ иного рода. Словомъ, только Богъ можетъ разсудить и обвинить насъ по Божески, а равно и помиловать, видя въ насъ что-либо доброе, сколько-нибудь соответствующее разнымъ цѣлямъ бытія нашего на землѣ.

Былъ Иуда предатель, но какъ-бы преданъ былъ необходимымъ и спасительнымъ мукамъ за насъ Христосъ, если бы не нашелся другой Иуда! Но жаль, что Искаріотъ не покаялся. Тогда бы, вѣроятно, онъ предупредилъ благоразумнаго разбойника, котораго одоля тоже нужна была для общаго дѣла нашего спасенія, потому что, если нашлось прощеніе разбойнику, то не найдется ли добраго участія въ жизни будущей и для всякаго такъ или иначе раскаивающагося въ недобромъ? По всему этому, безсмертіе не только возможно, но даже необходимо, какъ отраднѣйшее и блаженнѣйшее.

Оно будетъ у Бога и съ Богомъ.
Томленье, борьба и тревоги—
Удѣлъ нашей жизни земной—
Безсмертный же духъ только въ Богѣ
Обращаетъ свой миръ и покой.

Церковно-археологическіе комитеты и епархіальные древнехранилища и архивы.

За разрѣшеніе вопроса о сохраненіи и научной работкѣ памятниковъ церковной старины взялось центральное духовное вѣдомство.—Въ печати (Церк. Вѣсти